

РАССКАЗ

СМЕРТЕЛЬНОЕ
ПРЕДЧУВСТВИЕ

ДЖОН СТАРК

Джон Старк

Смертельное предчувствие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69140884

SelfPub; 2023

Аннотация

Анне снится страшно правдоподобный сон, проснувшись после которого она понимает, что он был предвестником надвигающейся катастрофы...

Джон Старк

Смертельное предчувствие

Ей снился кошмар, и в первое мгновение она не смогла понять, что вой сирены, громкий и безжалостный, уже не снится ей. Она бродила по пустынным улицам Милтона, куда они с Джеффом переехали три года назад. Стояла глубокая ночь, и сгорбленные фигуры уличных фонарей бросали вниз блеклый матовый свет, который, рассеиваясь, освещал заброшенные улицы. Кругом стояла мертвая тишина, нарушаемая только шумом ветра, играющим пылью на пустынных тротуарах и дорогах, шуршащим пожелтевшими обрывками газет и палой листвой, да стуком ее туфель на высоких каблуках. На ней было ее праздничное платье, но на какой-то такой праздник в этом мертвом городе она собралась, она не знала.

"Ты на празднике смерти, – произнёс чей-то сухой и безрадостный голос у нее в голове, – нет ничего веселее, чем пройти по пустынным улицам давно умершего города". Если это было так, то Анна совершенно не находила ничего забавного в этом. И лишь неявная тревога с чувством одиночества сопровождали ее здесь.

Она прошла мимо заброшенного дома, в котором раньше жила ее новая подруга Натали (всех друзей и подруг в этом городе она нарекала новыми, так как друзья и подруги

ее детства остались в Бренсвике, как, впрочем, и ее родители) с мужем Бертом и двумя детьми – восьмилетним Стивом и четырехлетним Дейвом. Сейчас дом выглядел так, словно он пустовал не меньше пятидесяти лет. Некогда новая краска потрескалась и облупилась, ондулин на крыше местами прогнил и отвалился, и сквозь эти дыры были видны серые и полусгнившие деревянные стропила, которые походили на ребра какого-то давно умершего доисторического животного. Все окна были разбиты, а одно практически полностью вывалилось наружу, свисая из проема, словно пьяный матрос, склонившийся над поручнем, опорожня свой бунтующий желудок.

С болью в сердце и чувством потерянности, она отвернулась от него. Ее дом должен был находиться позади, но ей совершенно не хотелось его видеть в таком состоянии, поэтому она пошла дальше. Пройдя до конца тротуара, Анна сошла с него и вышла на середину проезжей части Лейн-стрит, асфальт которой был испещрен кривыми линиями трещин. Из некоторых торчала высохшая трава. Она осмотрелась по сторонам. Никаких едущих машин естественно не было (хотя она и не рассчитывала их увидеть, скорее оценивала размах трагедии) не считая прогнившей колымаги, стоявшей через дом вверх по улице, которая когда-то была «Лексусом» серого цвета, как-то отстраненно отметила про себя Анна. Она неоднократно видела эту машину до этого, в другие “лучшие времена” для города, когда бывала в этой его части. Сейчас

машина стояла на сгнивших и смятых под весом того, что от нее осталось, крышках, полностью покрытая коричневой ржавчиной, и только на левом крыле осталось небольшое пятно серой краски. Из окон осталось лишь разбитое лобовое стекло – со стороны водителя. В нем было пробито отверстие размером с бейсбольный мяч, от краев которого во все стороны разбежалась сеть из извилистых трещин.

Со всех сторон картина представляла одна и та же: заброшенные и обветшалые дома, темные островки дворов с похужшей травой, черные и мертвые стволы деревьев, стоящие вдоль пешеходных дорожек, со скрюченными и голыми ветвями, тянущимися, словно когти в черное небо и мрачные линии сгнивших заборов, вдоль которых торчали безлиственные ветви кустов. И ни одной живой души, конечно, за исключением ее самой. Обреченность, сочащаяся отовсюду, казалось, пронизывала каждый ее мускул и нерв, текла вместе с кровотоком, словно эритроциты, начиная с артерий и заканчивая самым мелким капилляром ее мозга. Это было настолько непостижимо, что ей захотелось кричать. Но от созерцания всего этого мышцы гортани и рта сковало так, что единственное, что она смогла вымолвить, это тихий звук больше похожий на писк обессиленной и умирающей дворняги.

Неожиданно, земля под ее ногами задрожала. Туфли на длинном каблуке и узкий подол праздничного платья не располагали к хорошему чувству баланса, и Анна, не удержав-

шись на ногах, упала на асфальт. Больно ударившись коленями, она почувствовала, что разодрала их, и судя по всему, еще и подол платья под правым коленом. Слева шумно обвалилась сгнившая крыша у дома. Не успела Анна опомниться – землю ещё трясло, но уже не так интенсивно, как спереди раздался громкий грохот. Стоя на коленях и руках, Анна подняла испуганные глаза по направлению шума. Уложенная прическа растрепалась, спутанные волосы, упавшие на лоб, закрывали обзор, и Анна приподняла их левой рукой.

Впереди над Лейн-стрит за чертой города там, где должна была стоять атомная станция, возвышался огромный вулкан, который, как ни странно, она заметила только сейчас. Станция находилась в десяти милях от города, и увидеть ее с такого расстояния, конечно же, не представлялось возможным, лишь только ночью можно было заметить далекие и маленькие огоньки ее ночного освещения. Но вулкан был просто гигантским, превышая в высоту и ширину атомную станцию во много раз, так, что в данный момент, она могла его видеть невооруженным глазом.

Широкая горловина вулкана багровела от потоков лавы, которые алыми струями стекали по разветвленным желобам его утесов. Землю вновь затрясло с новой силой, и из жерла вулкана в чёрное небо взмыл фонтан алых брызг. До ее слуха долетел новый рокот, и она услышала чей-то вскрик, даже не сразу поняв, что он принадлежал ей.

Асфальт дороги метрах в двадцати впереди, пересекла,

словно кривая улыбка, рваная трещина, края которой вдоль и поперек стремительно расширялись. Оба конца растущей расселины достигли тротуаров по обеим сторонам Лейн-стрит и двинулись дальше, рассекая лужайки противоположных участков. В ширину провал уже достигал полтора ярда, а, сколько он был в глубину, можно было только догадываться. Левый край трещины замер в паре ярдов от того, что осталось от дома, а правый скользнул под фундамент противоположного. Секундой позже раздался глухой хруст, и боковая стена дома, осев, треснула над тем местом, где трещина скрылась под ним в земле. Крыша дома немного провисла и накренилась на правый край, но не обвалилась и теперь выглядела, словно кепка, надетая набекрень. Стоя на четвереньках, Анна испуганно и замороженно наблюдала за всем этим.

Не успела она опомниться, как первый огненный сгусток лавы упал на крышу беседки, стоящей на одном из дальних участков. От удара и без того дышащую на ладан беседку, как, впрочем, и все в городе, разнесло на мелкие щепы и пыль. Сразу после этого с небольшими промежутками упали ещё несколько огненных шаров. Один угодил в дом по другую сторону улицы, стоящий на участок дальше от только что почившей беседки. Шар влетел в противоположный скат крыши и с грохотом вылетел через стену с другой стороны первого этажа, разбрасывая в разные стороны красные сгустки лавы и раскученные доски. Остальные вулканические

ядра были не столь удачны в своих приземлениях – лишь одно приземлилось в нескольких метрах от обветшалого сарая, не причинив ему никакого вреда.

Как только последний метеор упал, Анна, взяв себя в руки, попыталась встать – по земле ещё шли лёгкие отголоски тряски, но их силы было недостаточно, чтобы ей помешать. Однако деревянное тело, казалось, не готово было ей подчиняться, да к тому же и без того узкий подол платья сковывал ей ноги. Упираясь обеими руками в асфальт, Анна приподнялась на мысках своих туфель, оторвав тем самым свои колени от пыльного асфальта дороги, и правой рукой подтянула освободившийся подол платья на уровень выше колен. Это дало ей возможность выставить правую ногу немного вперёд и, опираясь на нее, наконец, подняться.

Мир вокруг вновь содрогнулся под новой волной подземных толчков, а жерло вулкана, и без того извергающее тонны лавы, стекающей вдоль своих стен, выбросило в воздух новую порцию огненных сгустков.

Почва опять стала уходить из-под ног Анны – ее бросило вперёд и в сторону. Однако, в этот раз она сумела устоять, все ещё держа рукой задранный подол платья. Где-то шумно развалилось ещё несколько древних построек.

Когда она вновь подняла глаза, то увидела, как в двухстах ярдах от нее, впереди по проезжей части, тротуарам и темным лужайкам течет кипящая лава, а, и без того сгорбленные фонари, как-то болезненно изгибались, чем-то, напоминая

в этот момент живых людей, когда поток лавы окутывал их основания. Оплавляемые раскалённым потоком, они, моргнув в последний раз на прощание блеклым матовым светом, плавно изгибаясь, опускались вниз, где лава, беспощадно поглощала их изуродованные тела. Деревья, дома и любые другие постройки, вспыхнув от соприкосновения с этим ползучим потоком огня, горели не хуже, чем костры инквизиции. Все кругом полыхало, а в небо уносились красные искры и густые облака гари.

"Как лава смогла так быстро добраться сюда?" – задалась вопросом испуганная Анна. "Это все сон, – вновь заговорил с ней незнакомый голос, – здесь может происходить все что угодно".

И как бы подтверждая сказанное, со всех сторон раздался громкий вой сирены, а в следующее мгновение поток кипящей лавы оказался прямо перед ней. Она чувствовала ее жар своей кожей. Ещё немного и она бы окутала ее ноги, сжигая их, превращая в пепел, а затем и все ее тело, погребая его под собой, как и остовы потухших фонарей.

Впереди, едва-едва не доставая до нее, в поток лавы, громыхая, приземлялись новые огненные сгустки.

Сон это или не сон – в последнем она уже сомневалась, Анна отпустила подол платья, который она всё ещё держала и, развернувшись, приготовилась бежать... Но не смогла этого сделать. Точнее сказать, могла, но происходило это словно в замедленной съемке. Вот она поднимала ногу, го-

товая бежать, но движение происходило медленно и с трудом, словно ей приходилось двигаться сквозь толщу воды, с привязанными пудовыми гирями к обеим ногам.

"Да, так бывает во сне", – проскочила отстраненная мысль у нее в голове.

Анна не видела, но чувствовала, что кипящий и дымящийся поток лавы уже практически касался ее пяток. Со всех сторон раздавался протяжный вой сирены, спина начала поджариваться, а в нос бил тошнотворный запах гари. Ещё чуть-чуть...

Наконец время ускорилось, и она...

***

...проснулась. Анна вынырнула из сна подобно фридайверу, всплывшему после слишком долгой задержки дыхания – тяжело дыша и с сильно бьющимся сердцем. Она была вся мокрой от пота, а спутанные и влажные волосы закрывали ее лицо подобно паутине. Остаточные обрывки сна всё ещё наполняли ее сознание мрачными образами: горящие здания и деревья, изгибающиеся и посмертно мерцающие фонари, поглощаемые потоком лавы и далёкий вулкан в алых ручьях лавы, стекающих по его покатым склонам, так что первые несколько секунд, она совершенно не могла сориентироваться, где она.

Между тем кошмарный сон таял, словно дымка по утру,

и Анна стала узнавать знакомые очертания спальни. Однако звук сирены, услышанный ей во сне – остался. Вначале она подумала, что возможно всё ещё спит, а это просто начался другой сон, куда перекочевал и звук сирены. Но эта схема ей показалась чересчур сложной, разве во сне ты замечаешь разницу, когда одно сновидение сменяется другим? Такого, по крайней мере, у нее не было. И самое главное, она слишком хорошо соображала для сна. Обычно во сне мысли более простые и рваные или же наоборот слишком фантастические, опирающиеся на совершенно не логичные связи, которые в самом сне, как ни странно вам кажутся вполне весомыми, но после пробуждения вы прекрасно понимаете, что это далеко не так.

Окончательно поставил точку в ее размышлениях о том, сон это или нет – проснувшийся Джефф.

– Что это? Сирена? – сонно спросил он, приподнявшись на локтях. Из приоткрытого окна дул легкий ветерок, от чего прозрачная занавеска несильно колыхалась, а отсветы, от уличных фонарей проходя сквозь нее, отбрасывали на лицо Джеффа бледные тени, которые двигались, словно живые. Возможно, виной тому была сонливость и все ещё живые воспоминания о событиях, происходящих с ней в кошмаре, вкуче с завываниями сирены за окном, но на мгновение, спрятанное в тенях лицо ее мужа показалось ей гротескной маской, надетой поверх его настоящего лица, от чего ей захотелось закричать. К счастью, сознание быстро проясни-

лось, и с ее губ не сорвалось ни звука.

Тем временем Джефф не дождавшись от нее ответа, сбросил с себя одеяло и в одних трусах, быстро подойдя к окну, одернул занавеску. Это, наконец, окончательно отрезвило Анну, и она со всей ясностью поняла, что все это не сон. И вместе с осознанием этого факта, ее сердце крепко сжал страх, но только теперь, в отличие от сна, он был настоящий.

– Что там? Ты что-нибудь видишь? – спросила она, сбрасывая с себя свою сторону одеяла.

– Нет. Ничего.

Она присоединилась к нему, посмотрев за окно. На улице стояла глухая ночь. Окна всех домов были темны. Фонари всё ещё горели, а значит, до рассвета оставалось часа три минимум. Она оглянулась на часы на прикроватном столике – на циферблате горящие зелёным цифры показывали 2:45. Вновь посмотрев в окно, Анна увидела, как в доме напротив зажглись огни.

– Просыпаются, – не поворачиваясь, проговорил Джефф. Ещё в одном доме загорелся свет на первом этаже.

Сирена... ей совершенно не хотелось думать об этом, а тем более говорить, но...

– Джефф, неужели это...

– Да, – не дав ей договорить, ответил он, и повернулся к ней. Мышцы его лица были напряжены, а белки глаз мрачно поблескивали. В его взгляде угадывалась тревога, но между тем не было никакой паники – только спокойное приня-

тие и решимость действовать. Джефф был преподавателем английской литературы и уже второй год пытался дописать свой первый роман, и как многим могло бы показаться такой человек (надо сказать, и она раньше так думала) должен был бы обладать мягким неконфликтным характером и нескладной фигурой какого-нибудь книжного червя. Но только не Джефф. Он опровергал этот стереотип просто-напросто на корню, являясь обладателем сильного и волевого характера, он в довершение имел крепкое и массивное тело, которое бугрилось от крепких и натренированных мускулов.

Джефф положил обе руки на ее талию и, посмотрев в глаза, сказал:

– Быстро одевайся и в машину.

Все было реальностью. И эта чертова сирена, и слова Джеффа, но ей все равно не хотелось во все это верить. Как это могло произойти? И самое главное – сон, сон был об этом... именно об этом. «Чушь собачья!» – мысленно одернула она себя. Вещих снов не бывает? Разве? Она не знала. А может, она всё же спит? Когда-то, в эру секретных материалов и пси-фактора, по телевизору показывали много передач о разной чепухе вроде НЛО и экстрасенсов. Но Анна никогда все это не воспринимала всерьез. Линда, ее давняя компаньонка по общежитию во время учёбы в колледже, она – да. Она верила во все это: в зону 51, в правительственные контакты с НЛО, заговоры и экстрасенсов, но в остальном она была нормальная, насколько это было возможно в нашем

мире, по крайней мере она не надевала себе на голову шапку из фольги, хотя, возможно, Анна просто не заставляла ее за этим занятием. Но надо отдать должное, ей иной раз нравилось послушать рассказы Линды обо всем этом, однако воспринимала она их исключительно, как фантастические истории, наподобие "Войны миров" Герберта Уэллса или "Похищений плоти" Джека Финней. А сейчас такое...

Она вновь вспомнила темный и гигантский силуэт вулкана, извергающий потоки лавы на фоне ночного неба из ее сна, стоящий точно на месте атомной станции. Да, точно на месте АЭС. И что теперь с этим делать?

Она хотела бы закрыться от всего этого, от того сумасшествия, что происходило сейчас, зарыться в одеяло и забыться сном. И может быть тогда это действительно окажется, просто очередным сном. Но кричащая сирена, настойчиво и ясно давала понять, что хочет она того или нет, но это происходит, происходит по-настоящему, и с этим надо что-то делать.

Как видно, не дождавшись ее ответа, Джефф отстранившись, аккуратно потряс ее:

– Анна... Ты слышишь меня? – он внимательно посмотрел ей в глаза. Отвлекаясь от того водоворота мыслей, который захлестывал ее сейчас, ей захотелось сказать ему: «Скажи мне, что это все не правда, что все это сон...», но вместо этого она тихо проговорила:

– Да слышу... Мне страшно Джефф, – она обняла себя

за плечи и только сейчас сообразила, что на ней из одежды только шелковые трусики. Она туманно вспомнила, что перед сном они с Джеффом занимались любовью, и теперь ей казалось, что это было как минимум миллион лет назад.

Джефф приблизился к ней и, притянув к себе, крепко обнял.

– Я знаю. Мне тоже, – ей стало чуточку легче, впрочем, как и всегда, когда он ее обнимал. С ним она чувствовала себя как за каменной стеной, он был сильным и надёжным мужчиной, впрочем, будь он другим, то она никогда бы в него не влюбилась. Тут ей на ум пришла и другая, довольно мерзкая мысль, но если сказал «а», то и от «б» никуда не денешься: если б он был другим, то и меня здесь бы не было... Эта мысль была настолько отвратительной, насколько и притягательной. Но Анна заставила себя выкинуть ее из своей головы.

– Так давай быстренько оденемся, сядем в машину и поедem к месту сбора, – продолжил он и после поцеловал ее в лоб. – И не забывай, это вполне может оказаться ложной тревогой. Вполне возможно они просто перестраховываются.

Анна посмотрела ему в глаза:

– Ты думаешь?

Джефф глубоко вздохнул и ответил:

– Я надеюсь на это.

Он отпустил ее и пошел в сторону кресла, на котором оставил свою футболку. Анна, терзаемая тревогой и стра-

ХОМ, подошла к комоду и, выдвинув верхний ящик, достала оттуда свежий лифчик, а затем как можно скорее стала его надевать.

***

Они ведь действительно могли перестраховываться, думала Анна, натягивая синие джинсы, ведь правда такой вариант возможен. Ты думаешь? Ты действительно веришь в это? Она точно не знала, во что она верит, но всем своим существом хотела, чтобы это оказалось правдой.

Она взяла носки из другого ящика комода и стала их надевать. Сверху она надела розовый топ, а волосы сзади стянула резинкой. Джефф, уже полностью одетый, ушел на кухню, чтобы взять несколько бутылок с водой из холодильника и чего-нибудь перекусить на всякий случай.

Перед тем как переехать сюда, Джефф работал преподавателем на полставки и подрабатывал на мойке машин, а Анна работала кассиром в местном супермаркете. Денег едва хватало на съёмную квартиру и еду, поэтому, как только ему предложили место в преподавательском составе здешнего колледжа, они с надеждой уцепились за это предложение. Декан филологического отделения, в котором Джеффу предстояло преподавать английскую литературу, если конечно он согласится, мужчина весьма солидного возраста, в коричневом твидовом пиджаке с потертыми заплатками на локтях,

который он носил, судя по всему, с прошлого века, и довольно подвижным морщинистым лицом, сообщил им с явной осторожностью о том, что в десяти километрах от города находится атомная электростанция, при этом стараясь, это известие преподнести в виде шутки: «А знаете у нас тут атомка, но зато мы по ночам здесь светимся, и поэтому никакой водитель не упустит нас из виду». Ха-ха, вот умора. Он говорил, что ничего страшного не случится. Трагедия в Чернобыле, авария на “Три-Майл Айленд“ и «Селлафилд» в Англии – это ошибки первооткрывателей. Да именно так он и сказал! Но сейчас все недочеты устранены и сделаны соответствующие выводы, которые совершенно точно позволяют науке смело смотреть в будущее, и здесь на Милтоновской АЭС все предусмотрено и ничего подобного произойти просто не может. "Интересно, скрестил ли он тогда пальцы за спиной?" – со злостью и страхом подумала Анна. Но на тот момент у них не было лучше предложений, а если начистоту, то это было единственное – соответственно: «Атомка», – сказали они, ну, круто, собрали вещи и переехали.

А теперь мир рушился у нее на глазах и лишний раз об этом напоминало протяжное «уио-уио» сирены снаружи дома.

– Анна, на кухне я закончил, – раздался громкий голос Джеффа, – я в гараж заводить машину. Поторопись, милая!

– Иду, – отозвалась Анна и в последний раз окинула их спальню, печальным и потерянным взглядом, затем выключила

чила свет и стала спускаться по лестнице на первый этаж.

Когда она зашла в гараж через дверь в кухне, Джефф уже сидел за рулём, а мотор их "Шевроле", тихонько мурлыкал, словно устроившийся на коленях котенок. Здесь звук сирены стал значительно громче. Стены дома неплохо заглушали его, но в гараже сирена уже оглушала. Наверное, это из-за более тонких раздвижных ворот гаража, которые хуже изолировали, чем стены дома, догадалась она. Анна обошла машину сзади и влезла на переднее пассажирское сиденье, захлопнув за собою дверь. Внутри машины звук стал вновь тише.

Джефф посмотрел на нее:

– Едем?

Она молча кивнула, и Джефф потянувшись к кнопке, открывающей гаражные ворота, нажал на нее. Ворота стали медленно подниматься вверх и Анна, вновь погружившись в свои тяжелые мысли, зачарованно наблюдала за ними. Несмотря на все заверения, что работа атомной станции выверена как швейцарские часы, они все же позаботились о мерах, на случай, если произойдет какой-нибудь сбой, поломка оборудования, или, не дай бог, утечка радиоактивного вещества на станции. Всем жителям (так на всякий случай – ведь мало вероятно, что могло случиться, говорили они. «Наверняка сейчас у них жопа просто горит от всех этих обещаний», – злорадно подумала Анна) выдали список мер на случай возможной аварии. Так, при первых признаках ЧП

включалась аварийная сигнализация, оповещающая население города о том, что требуется эвакуация. Для этого предлагалось всем, кто имеет личный транспорт (а для тех, кто его не имел, должны были отправить школьные автобусы) уносить ноги на юг по шоссе I-63, которое проходило рядом с их городом. По шоссе им нужно было проехать шестьдесят миль до места сбора, где прибывшим предстояло узнать, что им делать дальше. И сейчас как раз настал момент выяснить, насколько планы умных голов работают, особенно учитывая, что их сраные обещания о практически абсолютной безопасности атомной энергии оказались всего-навсего еще одним дерьмовым обещанием.

– Это ещё не конец, – сказал Джефф и, положив свою ладонь ей на колено, слегка сжал его, выводя Анну из транса. Она растерянно посмотрела на него и даже попробовала улыбнуться, но как ей показалось, вышло не очень.

– Я надеюсь на это.

Наконец гаражные ворота поднялись достаточно, чтобы можно было выехать, не задев их крышей машины. Перебрав переключатель коробки передач в положение «D», Джефф нажал на педаль газа. Машина плавно выехала из гаража, после чего он повторно нажал на клавишу и уже позади машины ворота гаража стали опускаться вниз. Апокалипсис или нет, но нужно было не забывать о безопасности, ведь если все обойдется, то им предстояло тут жить и дальше, а открытый настежь дом в отсутствие хозяев, лакомый кусок

для мародёров. И шанс остаться без всей бытовой техники имел место, чтобы им пренебрегать.

Анна огляделась по сторонам. Практически во всех домах горел свет, а в тех, где он был потушен, хозяева в основном, так же, как и они, были уже в машине, съезжающей на дорогу или только выезжали из своих гаражей. Было довольно странно за всем этим наблюдать, и в который раз Анна задалась вопросом, а не кажется ли ей все это?

Они проехали до конца подъездной дорожки и выехали на проезжую часть, повернув в сторону Лейн-стрит. В доме соседей напротив ещё горел свет. Там жили Дрисколлы. У них было двое детей и, скорее всего из-за этого, они собирались дольше. Их «Форд-Универсал» уже стоял на подъездной дорожке в пятачке света, отбрасываемого потолочными лампами из гаража. Откуда выскользнул Стив Дрисколл с двумя сумками. Подойдя к открытому багажнику, он стал укладывать их внутрь. Заметив их машину, он было поднял руку в приветственном жесте, но, как видно, осознав, что ситуация в которой все они оказались, отнюдь не типична, не подняв ее выше пояса, тут же опустил и просто кивнул. А затем вновь скрылся в своем гараже. Анна же автоматически подняла свою руку, но тоже, почувствовав неловкость, опустила ее, положив обратно на свое бедро.

Они проехали дальше и не доезжая до перекрестка, увидели Натали и Бреда Эмберсон, находящихся возле своей машины. Бред укладывал сумки в раскрытый багажник; Натали

стояла рядом. Силуэты обоих детей угадывались на заднем сидении. Увидев их приближающуюся машину, Натали бурно замахала рукой и быстрым шагом направилась в их сторону. Джефф свернул к тротуару и остановил машину напротив их участка. Выходя из машины, Анна туманно вспомнила, что, кажется, в своем сне она здесь проходила, но тогда участок и дом был заброшенный и обветшалый. Ей вспомнились пустые глазницы разбитых окон, и она невольно поехала.

– Привет, – сказала подросевшая к ним Натали, – просто какой-то ужас творится!

– И не говори, – согласилась Анна. Они обнялись.

Следом за Натали, закончив с укладкой багажа, подошел встревоженный Бред. Он молча пожал руку Джеффу, как раз обошедшему машину спереди и кивнул в знак приветствия Анне. Бред был мужчиной худошавого телосложения с начинающим появляться пивным брюшком, при этом его руки и ноги оставались худыми, что смотрелось весьма комично. Однако, человек он был хороший, всегда готовый в трудную минуту прийти на выручку, что в наше время было крайней редкостью, и это с лихвой компенсировало все эти недостатки. Сейчас его темные волосы были взъерошены, а воротничок рубашки, судя по всему из-за спешки, застегнут на вторую пуговицу. И в данный момент он своим видом, почему-то напоминал Анне встревоженного воробья. Натали же, наоборот, имела более коренастое телосложение в отличие

от мужа и склонность к полноте, с которой она боролась с переменным успехом с помощью различных диет. И на первый взгляд, казалось, будто бы она крупнее Бреда раза в полтора. Хотя и была ростом на голову ниже своего мужа. В этот ночной и тревожный час на ней была надета джинсовая юбка, на ногах тряпичные кроссовки, а сверху белый топ. Светлые волосы она наспех уложила в пучок, который уже начинал распутываться. Глаза у обоих супругов были напуганными, и под ними темнели круги. Мы, наверное, выглядим не лучше, подумала Анна. И ещё она подумала, что возможно вся их маленькая компания в этом бледно-мертвенном свете фонарей со стороны казалась окружающим, не более чем, ожившими призраками или тенями.

«Перестань сгущать краски», – одернула она себя.

– Мы проснулись, а тут такое, – быстро и встревоженно протараторил Бред, жестикулируя своими тонкими руками, – я сразу и не сообразил, что происходит.

– Мы тоже, – согласился Джефф.

– Как думаете, там все серьезно? – вмешалась Анна.

Бред и Натали переглянулись.

– У моей подруги Нэнси муж работает охранником на электростанции, – быстро, как и муж, протараторила Натали, – я, вроде бы, как-то говорила об этом?

Анна кивнула в знак согласия.

– Так вот, Нэнси мне набрала минут пять назад в разгар всей этой катавасии, когда мы собирались и сказала, что,

Дейв – муж, позвонил ей среди ночи. Сегодня его смена в ночь, – уточнила она. – И сказал, что станцию, похоже, захватили какие-то неизвестные, возможно, террористы, сказал что-то про ящики, которые они, судя по всему прихватили с собой. Затем связь вдруг оборвалась.

Анна с трудом переваривала услышанную информацию. Возможно, из-за тревоги и паники, смысл сказанного не сразу доходил до нее. Неизвестные... Ящики... Террористы? Как такое вообще возможно? Они же не на ближнем востоке живут, где каждый второй готов крикнуть Аллах Акбар и кинуться в толпу со взрывчаткой на груди, лелея мысль о сотне девственниц, ожидающих его у врат рая... Или чего там им обещают?

– Она жутко напугалась, – тем временем продолжила Натали, все так же тараторя, – и пробовала несколько раз сама дозвониться до него... но не смогла. А минут через десять после этого раздалась сирена.

Подойдя к ней, Бред обнял ее сзади.

– Не знаем даже, что и думать.

– Может быть, он что-то напутал или Нэнси не так поняла? – предположила Анна.

– Хотелось бы так думать, – ответил Бред, – но откуда тогда сирена?

– Неисправность генератора... – предположил Джефф.

– Трудно сказать, – ответил Бред. – Но вот в чем вопрос – что хуже: неисправность реактора, которую возможно можно

исправить или... – он нервно откашлялся, – террористы?

Никто не нашелся, что сказать. Дети в машине начинали нервничать, и сказать особо было больше нечего, а звуки сирены, раздающиеся со всех сторон, подгоняли поскорее убраться отсюда куда подальше. Поэтому они пожелали друг другу удачи и разошлись по своим машинам.

– Ты можешь поверить в это? – спросил ее Джефф, хлопая водительской дверцей.

– Могу, – с неохотой ответила она, вспомнив подступающую лаву к своим ногам из сна.

Джефф повернулся и пристально посмотрел на нее.

– У меня такое чувство, будто бы ты что-то недоговариваешь? – приподняв брови, поинтересовался он.

“Да, есть такое...”, – подумала она. А не говорила она о своем сне, мать его пророческом сне, в котором вулкан на том же самом месте, где сейчас стоит станция, извергал в обсидианово-черное небо потоки лавы, а город, в котором они жили, был абсолютно безлюдный и мертвый много лет кряду. И сейчас всю орет сирена, оповещающая население о возможной (да, они так и говорили, что сирена может включиться для перестраховки) или уже случившейся аварии на станции. И возможно уже в данную минуту нас поджаривает невидимое радиоактивное излучение, и стоит к нам поднести счётчик Гейгера, как он начнет наперебой трещать. Да и еще Натали говорила о террористах, захвативших станцию. А это уже шах и мат. И все это никак не укладывалось у нее

самой в голове. Так, как она могла все это рассказать ему, при этом, оставшись вменяемой? Да она сама себе не верила, что уж там говорить про Джеффа.

– Мне просто страшно, – вместо всего этого сказала она, что было по большей части правдой.

– Все будет хорошо, – постарался ее успокоить Джефф, положив руку на ее бедро. Затем завел двигатель и они, отъехав от обочины, выехали на Лейн-стрит, повернув налево. Пока машина по касательной пересекала дорогу, Анна посмотрела в боковое окно со своей стороны. Вдалеке, за чертой города, атомная станция возвышалась над городом, подсвеченная ночными огнями. Именно там в ее сне стоял вулкан. Она вспомнила, как стояла на этом перекрестке, который они сейчас пересекали, и наблюдала за падением огненных ядер, выброшенных из его жерла, и вслед за ними – подступающей к ней лаве, которая поглощала все на своем пути. Воспоминания были до дрожи пугающими, и столь яркими, словно это был не сон, а настоящее событие, произошедшее с ней. Не отдавая себе в этом отчёта, она вновь обняла себя, скрестив руки на груди, как сделала это стоя у окна, когда смотрела на просыпающуюся улицу под звуки сирены.

Наконец машина встала в правый ряд, и вид атомной станции сместился с бокового окна на заднее, пропав из поля зрения Анны, что ее вполне устраивало.

Однако чувство страха и тревоги, которое она испытывала с момента своего пробуждения и лишь усиленное последую-

щими событиями, и воспоминаниями о сне, казалось должно было ослабевать по мере их движения в сторону зоны безопасности, но оно напротив, только росло. И вместе с этим у нее внутри зрело, ощущение того, что что-то должно произойти. Она понимала иррациональность этого чувства, но оно вопреки ее рассудку и здравому смыслу усиливалось – с каждой секундой и ярдом, проезжаемым ими на автомобиле.

Неожиданно Анна вспомнила, как вчера, перед обедом, копалась в саду. Она любила это занятие, которое позволяло ей побыть наедине с собой и поразмышлять без посторонних над тем, что ее беспокоило в данный момент. Она давно хотела заняться своими розами и пересадить их в другую часть участка. Туда где они могли бы находиться в лучах солнца большую часть светлого времени суток, потому что прошлый раз она выбрала совершенно неподходящее для этого место возле дома, где большую часть дня на них падала тень. Так вот когда она заканчивала, пересадив последний куст, и уже собиралась встать с корточек в полный рост, на ветку молодого клёна, стоящего недалеко от нее, сел прилетевший, черный как смоль, ворон. Сложив свои крылья, птица внимательно посмотрела на Анну, словно пытаясь понять, чем та занималась в саду. Анна встала под чутким взором крылатого гостя, ощущая себя при этом, как ни странно, неудобно. Неожиданно, до этого молчаливая птица, приподняв свои черные крылья, несколько раз пронзительно каркнула. А затем раскрыв их полностью, ворон взмахнул ими, и,

оторвавшись от ветки, полетел дальше по только ему виданным делам, вновь оставив Анну одну, с по непонятным ей причинам, гулко бьющимся сердцем и пересохшим горлом, провожая улетающую вдаль птицу, с таким чувством, словно ворон прокричал не: «Кар-кар-кар», а: «Смерть-смерть-смерть...».

Что-то внутри нее натягивалось, словно тетива на луке, и натяжение с каждой секундой становилось все сильнее и сильнее, готовое вот-вот порваться. Анна чувствовала всем своим нутром, что-то должно случиться...

Она испуганно посмотрела на Джеффа, но тот напряжённо всматривался в лобовое окно, ведя машину, и никак не выказывая похожих чувств. Тогда она посмотрела в зеркало заднего вида, и при виде далёкого отражения АЭС, внутри у нее что-то ёкнуло. “Террористы и коробки...”, – испуганно подумала она.

Она обернулась назад, повернувшись влево на своем сиденье.

Террористы... коробки...

Её руки дрожали, и она вцепилась ими в спинку сиденья. Ей было холодно.

– Что с тобой, дорогая? – взволнованно и напряжённо спросил Джефф. Она не ответила. Она просто смотрела назад на освещенный силуэт станции, даже не замечая того, что задержала дыхание. Натяжение внутри стало максимальным.

“Террористы и коробки...”, – ещё раз подумала она.

Неожиданно станция осветилась яркой вспышкой, которая словно пламя свечи отразилось в перепуганных зрачках Анны. Вспышка с пугающей быстротой стала расти и увеличиваться в размерах... “Это бомба”, – пронеслась у нее в голове последняя в ее жизни мысль, пока она наблюдала, как огненный смерч, разрастаясь, поглощал все на своем пути, сжигая дома и деревья, словно спички.

Тетива внутри у нее оборвалась и...

...она вынырнула из сна тяжело дыша, и чувствуя, как сердце, стуча, словно паровой молот, билось о внутреннюю часть ее ребер, будто желая выйти. Со всех сторон до ее слуха доносилось пронзительное «уио- уио» сирены.

“О боже...”, – с ужасом подумала Анна, совершенно не понимая, что происходит...